

Н.В. Трубникова

В ПОИСКАХ НОВОЙ ПЕРСПЕКТИВЫ: «КРИЗИС ИСТОРИИ» СКВОЗЬ ПРИЗМУ СОВРЕМЕННЫХ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫХ КОНТЕКСТОВ

Статья посвящена проблеме «кризиса истории», теоретической рамкой которого определяется содержание всех полемик исторической науки последней четверти века. Автор переносит акценты дискуссии с характерных клише, риторических заострений и коммуникативных стратегий исторической науки, сложившихся в XX в. и исчерпавших себя в описании бесчисленных «поворотов» краткосрочных интеллектуальных поветрий, на рассмотрение иных междисциплинарных контекстов, определяющих логику развития современного гуманитарного, и шире, общенаучного знания.

Ключевые понятия: кризис истории; смена парадигм; «движение Анналов»; современная теория социального мира; модели научного объяснения; коммуникативная стратегия; методологический плюрализм.

На рубеже второго и третьего тысячелетий нашей эры теоретическая рамка современных историков прочно устоялась вокруг понятия «кризиса истории», оставаясь непревзойденной по сей день. В историографической традиции, близкой социальной истории в духе французских «Анналов», уже сформированы и почти канонически проговариваются этапы этого сложного пути, пройденного исторической наукой, прежде чем она попала в западню современного «кризиса».

Сначала, на излете 1920-х гг., авангард исторической науки преодолевал «кризис» традиционной, уже институционально сложившейся истории, упрекая предшественников в том, что они не интегрировали в свой исследовательский опыт революционно важные достижения наук о природе, не постигли принципа относительности. Эта критика так называемой позитивистской историографии была не совсем справедливой, ведь исторически невозможно синхронизировать пространство научной информации так, чтобы чужеродные идеи, родившиеся в отнюдь не родственной сфере, стремительно и повсеместно усваивались. Серьезные мировоззренческие сдвиги, как известно, требуют времени и смены научных поколений. Однако запрос на инновацию и междисциплинарность, затмившую прежний культ сурового ученичества и скромной архивной работы (практика, отработанная «методической школой» XIX в. почти до автоматизма), стал базовой ценностью всех коммуникативных стратегий историков последующей эпохи. В наиболее концентрированном виде эта стратегия дискредитации предшественников как «наивных», не осознавших всеобщие закономерности, недостаточно современных смоделирована блестящим полемистом Люсьеном Февром, который вел самые бескомпромиссные «бои за историю» [1].

Социальная история максимально расширила предмет изучения материальной и идейной жизни прошлого, усиливающаяся фрагментация тематического поля вкупе с проведенной Фернаном Броделем декомпозицией исторического времени безудержно размыкала границы исторического исследования. Историк, в силу специфики профессии, если верить доводам Клода Леви-Стросса, замкнутые «в непрозрачности бесформенного описания» и неспособные к теоретизированию, заимствуют и применяют (часто

не вникая в концептуальные нюансы) модели соседних социальных наук, лучше интегрированных в повестку современности. Чаще всего в XX в. объектом подобной «концептуальной контрабанды» для историков выступала теоретическая социология [2], по определению обязанная обеспечивать другие науки базовым пониманием законов социального мира.

В 1970-х гг. социально ориентированная историческая наука постепенно выходит из фазы своего триумфа, погружаясь в лавину широкой междисциплинарной критики. Успешно, на взгляд самих создателей и их многочисленных читателей, адаптируя к истории теоретические модели, созданные в рамках структурной антропологии, культурной антропологии, разных версий социологии, психологии, экономической теории, впоследствии историки были вынуждены вступать в полемику, которая если и не обрушила, то доказала некоторую логическую и эмпирическую ограниченность всех научных метанарративов социальных наук послевоенного времени. К 1990-м гг. процесс безудержного дробления тематического поля истории, достиг, видимо, пределов своего естественного расширения, поскольку почти перестали появляться новые внутродисциплинарные специализации с яркими заголовками и большими амбициями, характерными еще пару десятилетий назад для проектов «Новой истории». Достаточно вспомнить сакральное высказывание от Э. Ле Руа Ладюри: «Историк завтрашнего дня будет программистом, или его не будет больше» [3. Р. 13–14].

С 1990-х гг. историки усвоили также значительно более скромную тональность в отношении собственных теоретических заявлений, которые теперь преподносятся, скорее, не как предвидение или обязательный к выполнению план, но как результаты долговременной научной программы. Последним ярким риторическим всплеском стал «Критический поворот», объявленный в обращениях редакции «Анналов» в 1988 г. и 1989 г. в попытке интегрировать наследие «Анналов» до эпохи «Новой истории» в современные методологические поиски [4, 5]. Однако и этот поворот после неожиданного ухода из жизни его идейного вдохновителя Бернара Лепти не привел к существенному обновлению профессиональных практик [6, 7]. С тех пор историки в основном не используют прежнюю «революционную» стратегию выступ-

лений под знаком инновации, теоретической искренности и претензий на всеохватное значение. По иронии судьбы, как прозорливо отметил Жерар Нуарель, адепты «лингвистического поворота» использовали именно этот тип продвижения в дискуссии, присвоив себе право выступать под лозунгом прогресса и от имени всех теорий, когда-либо повествующих о языке, чтобы «опрокинуть» научные претензии социальной истории [8. Р. 129]. Таким образом, риторический этос, когда-то положенный в основу «золотой легенды об Анналах», в соответствии с которой два революционных профессора преодолевали косность и консерватизм академического истеблишмента, завел саму устоявшуюся традицию социальной истории в явный методологический тупик.

В этих новых условиях менее претенциозная и более сдержанная тональность рассуждений о будущем исторической науки еще не привела к решительному пересмотру основных вех развития научной исторической мысли, последняя из которых и определяется пока непревзойденным «кризисом истории». В настоящее время большинство историков (включая, несомненно, и автора этой статьи), не чуждых обобщениям, встали на путь прагматичного наблюдения, описывая изгибы исследовательских путей современной историографии.

Если проанализировать самым поверхностным образом динамику идейных зигзагов современной историографии, формируется довольно противоречивое представление о том, что, несмотря на неотменный диагноз «кризиса», рассматриваемая сфера почти одновременно переживает лингвистический, герменевтический, антропологический, пространственный, культурный, семиотический, антисемиотический, иконический, переводческий и еще несколько поворотов, каждый из которых, подкрепленный именами корифеев социальной теории, как правило, объявляется последним, и потому наиболее судьбоносным витком развития гуманитарных наук. Однако решающего парадигмального сдвига не происходит, и рефлексия о теоретических основах исторического знания так и ограничивается рамками отдельных, зачастую конкурирующих и несводимых к общему знаменателю методологий исследования, венчаемых короной пресловутого «кризиса».

И лишь малое количество исследователей расценивает сложившуюся историографическую ситуацию скорее как определенную «болезнь роста», которая будет преодолена на основе изучения собственной дисциплинарной памяти и проблем профессиональной идентичности. Например, Жерар Нуарель анализирует в нашумевшей монографии «О кризисе истории» [Ibid.] основные этапы развития «ремесла историка» как процесс вызревания (в куновском смысле) научной парадигмы в истории (в которой момент «школы Анналов» является выражением ее зрелости, а отнюдь не начала) и приходит к выводу о том, что выход из кризиса может быть достигнута за счет консолидации историков вокруг базовых и самых прагматических оснований «ремесла историка». Эта перспектива складывается из нескольких императивов: перенести дискуссии с рассуждений об эпистемоло-

гических основаниях знания на другие аспекты исследования; развивая междисциплинарность, необходимо доказывать на языке своей науки полезность произведенных заимствований; создавать коллективные проекты, привлекая различных специалистов; создавая новые общности и провозглашая манифесты, четко проговаривать всю последовательность необходимых действий – не только «что делать?», но и «как делать?» [8. Р. 191–202]. Автор снискал много критики в свой адрес, часть которой сводилась к очевидному выводу о том, что призыв сплотиться на основе самых консервативных практик оттолкнет большую часть профессионального сообщества, склонных применять новое, другие рецензенты отмечали слишком «франкоцентричный» характер проведенного рассуждения [9]. Тем не менее такого рода прогнозы допускают, что временный «анабиоз» теоретической рефлексии об историческом познании мог бы закончиться становлением новой макротеории, которая непротиворечиво объединит все разрозненные фрагменты в новое научное, но не догматическое мировоззрение.

В действительности кризис самосознания историки переживают почему-то значительно острее, чем практики других социальных наук. Открытие языковой природы научного дискурса не заставило метаться в тенетах перманентного кризиса несколько десятилетий ни философов, ни социологов, ни экономистов, ни психологов, ни, тем более, лингвистов. Эпистемологию неустранимо двойственной субъективно-объективной природы исторического познания очень педагогично объяснил Поль Рикер [10], однако невосприимчивость к его аргументам, особенно в англо-американской историографии, свидетельствует об избирательных и неполных информационных обменах в современной глобализующейся академической среде, даже если речь идет о признанных корифеях современной гуманитарной мысли.

В науках, имеющих более выраженный теоретический профиль, чем история, современное состояние методологического плюрализма, характерное ныне не только для гуманитарных наук, но и для наук вообще, представляется естественным и не влечет за собой значимой девальвации профессиональных оснований.

Известный социолог современности Жан-Клод Пассерон призывает рассматривать историю (и все социальные науки, имеющие неустранимое историческое измерение) не как кумулятивное знание, но как сосуществование и преемственность многих «теоретических языков описания», в дискурсивном пространстве которых даже самые формализованные доказательства есть все равно акты интерпретации [11. Р. 94].

Однако сама по себе констатация «нормальности» методологического плюрализма современной науки, как правило, не приводит к поиску общей типологической базы и «родового» основания разноречивых исследовательских практик, чаще всего исследователи не считают нужным показывать границы применения, терминологические рамки и дедуктивно-логические предпосылки различных подходов. Даже самые известные историки, имеющие смелость выступать с программными заявлениями, неверно фор-

мулируют свои базовые теоретические основания. Так, Филипп Кэрррд, проводя с позиций постструктурализма литературоведческий анализ текстов французских историков, убедительно показывает, что те совершенно неверно теоретически формулируют, с одной стороны, и воплощают – с другой, нарративную природу исторического сочинения. Литературная модель «вторых Анналов», демонстративно выбравших «неповествовательные» формы истории, фактически лишь заменила, на примере Броделя, «время Короля» на «время Моря». Средиземноморье, как квазиперсонаж, оказался не менее интригующим и драматически действующим персонажем, чем отдельная историческая личность, и фактически история у Броделя, как и современная глобальная история, сохранила свою сознательно отрицаемую повествовательную форму [12. Р. 73–74]. Сочинения Поля Вейна, провозглашающего авторский произвол и приверженность рассказу как неотъемлемой форме исторического повествования, напротив, фактически лишены литературной повествовательности и интриги, ограничиваясь созданием «метаисторических» панорам, сгруппированных вокруг одного предмета рассуждения [Ibid. Р. 100].

Ряд историков, увлеченных постмодернистской перспективой «лингвистического поворота», рассуждающего об «истории как рассказе», призывают коллег, не порвавших с перспективой научности исторического метода, к профессиональной эвтаназии ради ничем не скованного авторского вдохновения и индивидуального самовыражения, фактически подменяя принцип объективности научного познания «принципом удовольствия».

Вышеназванные примеры бессознательного или сознательного искажения теоретических основ исторического исследования затрудняют формирование базового эпистемологического консенсуса, без которого невозможны ни плодотворные научные дискуссии, ни выполнение историками своей «социальной функции», состоящей в работе по гармонизации исторического сознания общества.

Поскольку сложившийся и признанный самоочевидным алгоритм развития доминирующей традиции историописания демонстрирует свою несостоятельность и неизбежное ощущение «замкнутого круга», необходимо сформировать другую перспективу восприятия, исходящую от осознания иных закономерностей произошедшего, положенных в основу другого типологического основания.

Это намерение поддерживается и «онтологическим поворотом» современной социологической мысли, переносящей акценты с нарративной природы исследования на отражение опыта объективно существующей реальности [13]. В теории социального мира создано несколько известных типологий гуманитарной научной мысли (включая, например, многопарадигматическую социологию Джорджа Ритцера [14]), которые выстроены на основе представлений эпистемологии – науки о конкурентном взаимодействии научных парадигм, где решающим аргументом идейного превосходства нередко становятся экстранаучные обстоятельства. Любое научное знание, таким образом, при-

нимает локальный исторический характер, а исследовательские программы базируются на несопоставимых друг с другом теоретических основаниях, имеют свои нормативные логические стандарты, собственные типы научного описания, объяснения и доказательности.

Выдвинем гипотезу о том, что применение такого рода «многопарадигмальных» концепций будет уместным и корректным применительно к практикам социальной истории, интеллектуально привязанной к тем же основным поворотам социальной мысли и академическим контекстам, что и сама социология.

Если посмотреть на историографическое производство, идейно или институционально связанное с «Анналами», в перспективе поиска нового адекватного ранжирования их опыта, не связанного с традиционным проблемно-хронологическим изложением, то среди концепций «парадигмальности» гуманитарной мысли наиболее уместным представляется применение типологии российского методолога И.Ф. Девятко. Она подразделяет все главенствующие направления социологической мысли по типу применяемого научного объяснения как интерпретативную, натуралистическую, функционалистскую и структуралистскую парадигмы [15]. Каждый из этих четырех типов, неизменно возвращающихся в актуальные тренды на новом витке развития в процессе смены идейной конъюнктуры, базируются на общих эпистемах (в понимании Мишеля Фуко), свойственных определенным эпохам, применяются иногда как осознанный теоретический конструкт, а иногда – сугубо интуитивно.

Анализ, проведенный автором данной статьи на материалах французской историографии, позволяет сделать предварительный вывод о поступательно-возвратном характере развития исторической науки, связанной с «Анналами», в которой, на первый взгляд, все рассмотренные конфигурации исторической мысли непротиворечиво соотносятся с предложенной типологией. Историки разделяют общие тенденции развития социальной и гуманитарной мысли, даже если делают это интуитивно. Если идея о диалектическом возвращении каждой из четырех парадигм верна, то коммуникативная стратегия продвижения своего типа исследования под знаком концептуальной новизны и дискредитация оппонентов за консерватизм и отсутствие универсалистских амбиций (проект Люсьена Февра) является архаичным и стереотипом продвижения исследований.

Что же мы наблюдаем? Самым распространенным типом описания и объяснения исторического прошлого является сейчас интерпретативная парадигма, которая основана на изучении одного человека другим, со всем вниманием к уникальным чертам индивидуального опыта. Это тот тип историописания, за который ратовали неокантианцы, пытаясь противостоять наплыву сциентизма, но также он характеризует творчество историков методической школы и Шарля Сеньобоса, надолго ставшего, с легкой руки Люсьена Февра, карикатурным олицетворением традиционной истории. В 1980-х гг. интерпретативная парадигма возвращается в обновленном виде, ассоциируемая с «уликовой парадигмой» Карло Гинзбурга [16], модой

на микроисторию и стили письма, заимствованные из культурной антропологии Клиффорда Гирца [17].

Другой – натуралистический – тип научного объяснения утверждается в историографии в форме социальной истории, начиная с 1910-х гг. В этом типе исторического моделирования ученые стремятся применять в отношении общественной жизни законы «больших чисел», математические способы аргументации, разделяя позитивистское представление о едином научном методе, подчиняющем себе все многообразие объективной реальности. Этот тип научного объяснения характерен для мощной и всецело оправдавшей себя в практике исторических исследований школы квантитативной истории Эрнеста Лабрусса, наиболее последовательно из историков реализовавшего расчеты и прогнозы экономиста и социолога Франсуа Симиана [18]. Но ровно тот же тип научного объяснения, только использующего несколько иные доказательства и рассматривающего более высокий уровень макроисторического обобщения мы можем обнаружить в истории климата, в клиометрике, а в 2010-х гг. в подъеме экологической истории, и даже в истории антропоцена, приобретающей ныне с помощью современных компьютерных технологий невиданный доселе размах исторического синтеза.

Третий тип научного объяснения – функционализм – получил детальную и многообразную концептуализацию усилиями теоретической социологии Толкота Парсонса и его многочисленных последователей и критиков. Функционалистская парадигма историописания, несомненно, доминирующая в практиках социальной истории, тяготеет к «теориям среднего уровня» и описывает отношения социальных групп, достигающих определенного динамического равновесия в отношениях социального порядка, вы-

полнения общественно полезных функций или рудиментарных дисфункций, которые будут преодолены или отвергнуты поступательно развивающимся обществом. Это пример «геоистории» Броделя и «марксистизирующих» историков, фиксирующих взаимосвязи, социально-экономические флуктуации большинства версий национальных историй, базирующихся на модели роста и трансформации государства, но также – современного подъема глобальной и транснациональной истории.

Четвертый тип научного объяснения, применяемый в истории, как и в других гуманитарных науках, базируется на структурализме, в котором всегда исследуются «тайные пружины» социального мира, но за основу выбирается один детерминирующий признак, будь то воспроизводство материальных благ в догматическом марксизме, диктат бессознательного в психоанализе, неизбывные первородные структуры родства в структурной антропологии, дискурсы, обеспечивающие доминирование властных элит или неодолимые принуждения языка в литературной теории. В этом типе научного объяснения предпочитают изучать постоянства, а не трансформации, разрывы, а не преемственности, что, казалось бы, в наименьшей степени подходит для историописания. Однако именно приверженность структурализму привела к успеху большинство проектов «третьих Анналов», от сериальной истории до истории ментальностей и исторической антропологии. В современном варианте структуралистский тип объяснения практикуют в истории все исследователи-постструктуралисты, изучающие дискурсы в любом их выражении.

Сводная таблица четырех научных парадигм на примере французской историографии конца XIX – первых десятилетий XXI вв. приведена ниже.

Таблица 1

Французская историографическая традиция конца XIX – первых десятилетий XXI в. с точки зрения применяемых моделей научного объяснения

Тип научного объяснения	Эпоха 1	Персоналии, Институциональные среды, программы	Эпоха 2	Персоналии, Институциональные среды, программы
Интерпретативная парадигма (человек, изучающий человека, исследование неповторимого и уникального)	Примерно 1870–1910-е гг.	Шарль Сеньобос, методическая школа (историки-позитивисты)	1980–2000-е гг.	«Четвертые Анналы», микроистория, культурная антропология
Натуралистическая парадигма (применение подходов естественных и точных наук), макроистория	1910–1950-е гг.	Франсуа Симиан, Эрнест Лабрусс, экономическая макроистория, квантитативная история, история климата, сериальная история	2000–2010-е гг.	История антропоцена, история эпидемий
Функционализм (теории среднего уровня, изучение общественных функций и дисфункций)	1930–1960-е гг.	Фернан Бродель, Пьер Шоню, «марксистизирующие» историки	2000–2010-е гг.	Глобальная история, транснациональная история, мир-системный анализ
Структурализм (выявление скрытых смыслов и «тайных пружин» социального мира)	1960–1970-е гг.	«Третьи Анналы», история ментальностей, структурная антропология	1990–2000-е гг.	Постструктурализм, исследования дискурсивных практик, историческая нарратология

В логике поступательно-возвратного движения, как показывает практика, совсем не исключающей логики научения, восприимчивости к критике и расширения знания, каждая из четырех парадигм

предлагает оригинальный способ постановки научной гипотезы, собственные модели научного объяснения и способы аргументации, степень формализации применяемой терминологии, от обыденно-

го до высокоспециализированного языка описания. При этом как общие черты «научного проекта» историки-практики сохраняют логико-дедуктивную основу исследований, стремление к корректному и верифицируемому использованию источников. Предложенная гипотеза, несомненно, нуждается в уточнении и «калибровке» границ сочетаемости (гибридизации) разных подходов в рамках одного исследования.

Непреложными основаниями современного исторического исследования являются необходимость рефлексии о родственных и неродственных типах научного объяснения, осознание методологических границ, корректность использования терминологии и таких репрезентаций научных программ, которые сделают возможным участие историков в общей научной дискуссии и послужат основой для новой консолидации профессионального сообщества.

ЛИТЕРАТУРА

1. Февр Л. Бои за историю / пер. с фр. М. : Наука, 1991.
2. Трубникова Н.В. Междисциплинарный альянс или конфронтация? Дискуссии французских историков и социологов по теории социальных наук // Известия Томского политехнического университета. 2005. Т. 308, № 3. С. 192–196.
3. Le Roy Ladurie E. Le territoire de l'historien. t. 1. Paris : Gallimard, 1973.
4. Histoire et sciences sociales. Un tournant critique ? // Annales HSS. 1988. Vol. 43, is. 2. P. 291–293.
5. Tentons L'Expérience // Annales HSS. 1989. Vol. 44, is. 6. P. 1317–1323.
6. Ваэке, de A. Où est passé le « tournant critique »? // Le Débat. «Commemoration 98». 1999. № 104. P. 162–170.
7. Delacroix C. La falaise et le rivage. Histoire du «tournant critique» // Espaces Temps. «Le temps réfléchi». 1995. № 59/60/61. P. 86–111.
8. Noiriel G. Sur la crise de l'histoire. Paris: Ed. Belin, 1996. Rééd. Folio-histoire, Gallimard, 2005.
9. Fink C. Review. Gerard Noiriel. Sur la «crise» de l'histoire. Paris : Belin. 1996. P. 343 // The American Historical Review. 1998. Vol. 103, № 2. P. 484–485.
10. Trubnikova N.V. Modern historical epistemology through the prism of Paul Ricoeur's transactions // SHS Web of Conferences. – Les Ulis: EDP Sciences, 2016. Vol. 28: Research Paradigms Transformation in Social Sciences (RPTSS 2015). URL: <http://earchive.tpu.ru/handle/11683/33042>. DOI: 10.1051/shsconf/20162801140.
11. Passeron J.-C. Le raisonnement sociologique. L'espace non-poppérien du raisonnement naturel. Paris : Nathan, 1991.
12. Carrard Ph. Le passé mis en texte : poétique de l'historiographie française contemporaine. Paris : A. Colin, 2013.
13. Stones R. Sociology's unspoken weakness: Bringing epistemology back in // Journal of Sociology. 2017. Vol. 53 (4). P. 730–752.
14. Ритцер Дж. Современные социологические теории. 5-е изд. СПб. : Питер, 2002. 688 с.
15. Девятко И.Ф. Модели объяснения и логика социологического исследования. М. : ПЦГО-TEMPUS/TASIS, 1996.
16. Ginzbourg P. Mythes, emblèmes, traces: morphologie et histoire. Paris : Flammarion, 1989.
17. Geertz C. The interpretation of cultures. New York : Basic Books Inc., 1973. Русский перевод: Гирц К. Интерпретация культур. М. : РОССПЭН, 2004.
18. Трубникова Н.В. К.Э. Лабрусс как основоположник французской квантитативной истории // Известия Томского политехнического университета. 2008. Т. 312, № 6. С. 98–102.

Статья представлена научной редакцией «История» 14 января 2020 г.

In Search of a New Perspective: The “Crisis of History” Through the Prism of Contemporary Interdisciplinary Contexts

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2020, 451, 164–169.

DOI: 10.17223/15617793/451/22

Natalia V. Trubnikova, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation); Tomsk Polytechnic University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: troub@mail.ru

Keywords: crisis of history; paradigm changing; Annales movement; modern theory of social world; scientific explanation models; communicative strategy; methodological pluralism.

The aim of the article is to revise the content of the “crisis of history” concept, which forms a stable stereotype in modern Western historiography and to offer a fundamentally different explanation for the regularities of historical science evolution. The specific objectives of the study are to comprehend the “crisis of history” notion and its related forecasts; to determine the connection of historiographic interpretations associated with the concept “crisis” and communicative strategies of social history inspired by the Annales movement; to reveal the humanitarian knowledge contexts external to historical science and the nature of their influence on history; to surpass the framework of the “crisis of history” through the searches of a fundamentally different typological foundation for historians. Sources and research materials used in the study are represented by scientific articles and monographs characterizing the situation of the “crisis of history”, modern ways and problems of the social world theory, as well as humanitarian knowledge in general, written in French, English and Russian. The methodological basis of the article are the problem-chronological and typological approaches. The article is devoted to the problem of the “crisis of history”, the theoretical framework of which determines all the controversies of historical science of the last quarter of the century. The author transfers the emphasis of the discussion from the characteristic clichés, catchphrases and communicative strategies of historical science that developed in the 20th century and have exhausted themselves in the description of countless “turns” of short-term intellectual fads to the consideration of other interdisciplinary contexts that determine the logic of modern humanitarian and, wider, general scientific knowledge development. The author's main conclusions are the following. (1) The “crisis of history” remains the main horizon of the theoretical reasoning of historians over the past thirty years. (2) Logically, the “crisis of history” is associated with the communicative strategies of social history, acting under the sign of innovation, interdisciplinarity, and overarching findings (Lucien Febvre's project). (3) A fundamentally different typological basis for the analysis of historical thought, legitimizing the multi-paradigmatic nature of its development, should be applied. (4) The basis of such an analysis, according to the author, is the approach of Inna Devyatko, who simulated the four main types of research explanation in sociological thought: interpretative, naturalistic, functionalist and structuralist. (5) It is shown, by the example of the French historiography of the late 19th – early 21st centuries, that the multi-paradigm approach embraces correctly its main trends and demonstrates a reciprocating rather than cumulative evolution nature.

REFERENCES

1. Febvre, L. (1991) *Boi za istoriyu* [Combat for History]. Translated from French. Moscow: Nauka.
2. Trubnikova, N.V. (2005) Mezhdistsiplinarnyy al'yans ili konfrontatsiya? Diskussii frantsuzskikh istorikov i sotsiologov po teorii sotsial'nykh nauk [An Interdisciplinary Alliance or Confrontation? Discussions of French Historians and Sociologists on the Theory of Social Sciences]. *Izvestiya Tomskogo politekhnicheskogo universiteta – Bulletin of the Tomsk Polytechnic University*. 308 (3). pp. 192–196.
3. Le Roy Ladurie, E. (1973) *Le territoire de l'historien*. Vol. 1. Paris: Gallimard.
4. *Annales HSS*. (1988) Histoire et sciences sociales. Un tournant critique? 43 (2). pp. 291–293.
5. *Annales HSS*. (1989) Tentons L'Expérience. 44 (6). pp. 1317–1323.
6. Bæque, de A. (1999) Où est passé le “tournant critique”? *Le Débat*. “Commemoration 98”. 104. pp. 162–170.
7. Delacroix, C. (1995) La falaise et le rivage. Histoire du “tournant critique”. *Espaces Temps*. “Le temps réfléchi”. 59/60/61. P. 86–111.
8. Noiriel, G. (2005) *Sur la crise de l'histoire*. Rééd. Paris: Folio-histoire, Gallimard.
9. Fink, S. (1998) Review. Gerard Noiriel. Sur la “crise” de l'histoire. Paris: Belin. 1996. P. 343. *The American Historical Review*. 103 (2). pp. 484–485.
10. Trubnikova, N.V. (2016) Modern Historical Epistemology Through the Prism of Paul Ricoeur' Transactions. *SHS Web of Conferences*. 28: RPTSS 2015. [Online] Available from: <http://earchive.tpu.ru/handle/11683/33042>. DOI: 10.1051/shsconf/20162801140
11. Passeron, J.-C. (1991) *Le raisonnement sociologique. L'espace non-poppérien du raisonnement naturel*. Paris: Nathan.
12. Carrard, Ph. (2013) *Le passé mis en texte: poétique de l'historiographie française contemporaine*. Paris: A. Colin.
13. Stones, R. (2017) Sociology's Unspoken Weakness: Bringing Epistemology Back In. *Journal of Sociology*. 53 (4). pp. 730–752.
14. Ritzer, G. (2002) *Sovremennye sotsiologicheskie teorii* [Modern Sociological Theories]. Translated from English by A. Boykov, A. Lisitsyn. 5th ed. St. Petersburg: Piter.
15. Devyatko, I.F. (1996) *Modeli ob"yasneniya i logika sotsiologicheskogo issledovaniya* [Explanation Models and the Logic of Sociological Research]. Moscow: RTsGO-TEMPUS/TASIS.
16. Ginzbourg, P. (1989) *Mythes, emblèmes, traces: morphologie et histoire*. Paris: Flammarion.
17. Geertz, C. (2004) *The Interpretation of Cultures*. New York: Basic Books Inc.
18. Trubnikova, N.V. (2008) C.E. Labruss as a Founder of French Quantitative History. *Izvestiya Tomskogo politekhnicheskogo universiteta – Bulletin of the Tomsk Polytechnic University*. 312 (6). pp. 98–102. (In Russian).

Received: 14 January 2020